

Татьяна Луганцева

**ВСЕМ
ПО БАРАБАНУ!**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

*Ранее книга издавалась под названием
«Дама сердца Железного Дровосека»*

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Всем по барабану! : [роман] / Татьяна Луганцева. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-100817-8 (Иронический детектив)

Оформление — *Екатерина Петрова*

ISBN 978-5-17-100818-5 (Детектив с огоньком)

Иллюстрация на обложке — *Оксана Мосалова*

Считается, что судмедэксперт — это не женская профессия. Но это не совсем так. Героиня романа Элина выбрала себе это занятие за возможность в тихой обстановке неспешно применять свои навыки и знания, ну и, конечно, некоторую роль сыграло самолюбие, ведь мало кто допущен к месту такой работы, а Элина еще и участвовала в следственных мероприятиях. И все-таки спокойное течение жизни Элли было нарушено, прежний порядок полетел в тартарары, и ей пришлось разбираться с невероятными происшествиями, свалившимися на ее бедную голову...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100817-8
ISBN 978-5-17-100818-5

© Т.И. Луганцева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Алексей Александрович Ерохин был человеком знаменитым. Такими же людьми с большой буквы были его отец, дед и прадед. То есть у них это было фамильное. Всю свою жизнь они, начиная еще с девятнадцатого века, посвящали науке, а именно математике. А их преданные супруги посвящали свою жизнь мужьям, занимая почетные вторые роли. Детей в сем научном роду никто не спрашивал, в какой профессии они видят себя в дальнейшем, чем хотят заниматься. В семье поклонялись только Ее Величеству Математике, и служить полагалось только математическим наукам. Например, Алексей Александрович не только являлся известным ученым, но еще и руководил кафедрой прикладной математики в одном из самых престижных вузов столицы, готовил будущие научные кадры.

Жена профессора Ерохина Клавдия Васильевна, что называется, держала дом. Целый день она крутилась по хозяйству с полной самоотдачей. Каждый день она готовила разнообразные блюда, ублажая

Матьяна Луцаицева

любимого мужа. Трехкомнатная квартира блистала чистотой, и помещение находилось в идеальном порядке. Антиквариат, коего имелось предостаточно, старательно протирался от пыли, столовое серебро чистилось, а хрустальная люстра, особая гордость хозяйки, разбиралась и аккуратно мылась раз в три месяца, чтобы и дальше блестеть и привлекать восторженные взгляды гостей. Люстра эта была куплена хозяином квартиры в стародавние времена во время туристической поездки в Чехословакию.

Младший сын Ерохиных Витольд часто вспоминал картинку из своего детства. Он заходит в просторную кухню-столовую, где на большом круглом столе, стоящем по центру, домработница, молодая и веселая дивчина Вероника, моет в огромном тазу разобранную люстру — хрусталик за хрусталиком, подвесочку за подвесочкой. Пенный раствор блестит радужными пузырями, которые периодически отрываются от общей массы и красиво улетают в пространство, в раскрытое окно. А некоторые лопаются, и их брызги щекочут нос. Хрустальные детальки лежат везде — на полу, на полках кухонных шкафов, на подоконниках. Некоторые из них уже вымыты, другие еще нет, но все они переливаются, словно сказочные медузы, выловленные из фантастического моря. Солнечные лучи многократно отражаются в хрустальных подвесках и скачут солнечными зайчиками по стенам и потолку кухни, создавая ощущение еще большей нереальности происходящего. Столовая уже не была просто комнатой, где люди принимают пищу, превращалась в волшебную, радужную шкатулку. Витольд всегда появлялся в разгар захватывающего действия, садился на табуретку и мог наблюдать за ним часами.

Всем по барабану!

Вероника улыбалась.

— Нравится?

— Очень!

— А вот твой брат никогда не восторгается. Наверное, ты очень тонко чувствуешь красоту.

— Это похоже на цирк, а я люблю цирк, — пояснял мальчик.

— Я тоже люблю цирк, — радовалась домработница.

Но жена академика прогоняла младшего сына тряпкой, прикрикивая:

— Хватит говорить всякую чушь! Слово «цирк» в нашем научном доме звучит как ругательство. Тебе, Витольд, пора бы уж заканчивать с созерцанием, самое время заняться математикой. А то я тебе устрою цирк! Бери пример со своего серьезного брата.

В семье Ерохиных росли два сына. Старший, Владислав, не доставлял родителям никаких проблем. Он был всегда собран и послушен, этакий отличник до мозга костей. Такой ребенок и должен расти в профессорской семье. Внешность у него тоже была соответствующая — худой, бледный, с длинными тонкими пальцами, нервным кончиком носа и в очках. Короче, «ботаник» по жизни, полностью ушедший в математику, как отец.

А вот Витольд, бывший на три года младше, вызывал у родителей серьезное беспокойство. Он с детства тянулся совершенно к другому. Его интересовали кино, театр, цирк, книги. Но самое страшное — Витольд был абсолютно равнодушен к математике. Ведь это просто катастрофа, что сын всемирно известного ученого не интересуется королевой наук! Как только ни пытались заставить его увлечься математикой и привить любовь

Матвеева Луиза

к данному предмету... Родители не хотели понимать, что в результате настоящая катастрофа творилась именно в душе самого ребенка, для которого решение задач было сродни средневековым пыткам. Чтобы вытянуть Витольда на «отлично», с ним каждый день занимался репетитор, вдавливая ему в голову всякие цифры и уравнения.

А мать все время кричала:

— Не смей позорить отца! Как ты можешь так легкомысленно относиться к делу его жизни?!

Витольду же было невдомек, чем он мог позорить отца, которого любил. О склонностях сына и о его способностях к языкам Клавдия Васильевна даже слышать не хотела, ведь установка в их семье была одна, причем не имевшая никакого отношения к литературе, истории, иностранным языкам.

Кроме того, по характеру Витольд был совсем не таким, как брат. Мальчик был упрям, дерзок, любил спорт, часто дрался, сбегал с уроков, за что попадал под «домашний арест». Да, да, его часто наказывали, но все это не приносило тех результатов, которых добивались родители.

Академик не занимался детьми, поскольку был слишком занят. Периодически, по праздникам, он просматривал дневники сыновей, и его взгляд задерживался на страницах младшего с длинными и животрепещущими замечаниями. После чего Алексей Александрович выразительно глядел на жену, которая под взором супруга как бы уменьшалась в размерах и бледнела, а затем молча уходил к себе в кабинет. Клавдия Васильевна понимала: муж свою работу выполнял, колеся по всему миру с лекциями и выступая на конференциях, и очень

Всем по барабану!

достойно содержал свою семью, а вот она, похоже, со своими обязанностями не справлялась. Все это легко читалось в глазах ученого и грозило тем, что женщина могла впасть в немилость у мужа и не видеть его аж несколько недель. (Кстати, спрашивать его по возвращении, где он был, было нельзя.) И Клавдия Васильевна с особым остервенением бралась за воспитание младшего сына. А тот не поддавался никакому воспитанию. И однажды чуть даже не произошла трагедия. Витольд был звездой школьного театрального кружка, но мать, зная, что это будет самым страшным наказанием для него, запретила ему ходить в кружок за тройку по математике. И мальчик выбросился из окна. К счастью, падение закончилось всего парой переломов и нетяжелым сотрясением мозга. От отца факт такого протеста отпрыска скрыли, боясь реакции ученого. Честно говоря, скрыли и от всех прочих, потому что за доведение ребенка до суицида родителя могли исключить из партии, а мальчика поставить на учет в психиатрический диспансер. Было объявлено, что мальчик покалечился случайно. Зато после этого мамаша уже не рисковала запрещать ему посещение театрального кружка.

В старших классах у Витольда появились подружки, просто обрывавшие телефон в квартире академика. Если брат Владислав, кроме цифр, не видел ничего, то Витольд очень даже интересовался женским полом. Да и девочки все поголовно влюблялись в него — он обладал каким-то особым магнетизмом. А внешние данные парню будто подарили боги с Олимпа. Ерохин-младший был высок, с потрясающим разворотом плеч, с густыми каштановыми, слегка волнистыми

Матвеева Луиза

волосами и с красивым, словно выписанным рукой мастера-живописца, лицом — идеально правильные черты, потрясающая улыбка и глубокий, просто пронизывающий взгляд карих глаз. Кроме того, юноша обладал способностью расположить к себе любого собеседника. Одним словом, душа компании, заводила, да просто король школы.

Владислав первым окончил школу и сразу же пошел учиться на физический факультет, где его отец читал лекции. Заведомо было понятно, что ему светит аспирантура, защита кандидатской диссертации, затем докторской. А потом — жена, дети и работа, работа, работа...

Через три года тот же институт и та же кафедра ждали Витольда. Но он посмел снова нарушить традицию. И одновременно подал документы в два самых известных театральных училища. Родители этого не знали. А Витольд покориł обе приемные комиссии своим талантом — изумительно декламировал стихи, пластично двигался, прекрасно танцевал, играл на трех музыкальных инструментах и чудесно пел. К тому же был очень красив. Молодой человек с легкостью сдал экзамены в оба театральных училища, оставалось только выбрать. Его мечта осуществилась, и Витольд наконец рассказал родителям о своем успехе, светясь от счастья. Оба училища были престижны, и парень наивно думал, что папа с мамой порадуются за него.

Вот тогда Алексей Александрович впервые принял участие в судьбе младшего сына. Он, вооружившись всеми своими регалиями, сходил к ректорам вузов и аннулировал результаты экзаменов, пригрозив имеющимися связями.

Всем по барабану!

— Вы делаете ошибку! Ваш сын безумно талантлив! — пытались образумить известного ученого.

— На счет «безумно» — верю, но никогда сын академика Ерохина не будет фигляром. Только через мой труп, — пояснил Алексей Александрович.

Витольд был отправлен в армию «для выправления мозгов». Там у парня, имеющего звание мастера спорта по мотоспорту и вольной борьбе, никаких проблем не возникло. И вообще у него был очень сильный характер. А после армии Витольд взял да и уехал в Америку, попросив политического убежища.

Семья Ерохиных пребывала в ужасе. Оно и понятно по тем временам. Родители официально отказались от сына как от предателя Родины. А вскоре «железный занавес» поднялся, началась перестройка, но было уже поздно. Мать изредка плакала в подушку, а домработница Вероника уволилась, не сумев простить хозяевам подобного отношения к Витольду, ее любимцу.

Она так и сказала:

— Вы не люди! У вас вместо сердца арифмометр! Бедный ребенок с тончайшей душевной организацией фактически мальчишкой, в двадцать лет, без денег, без поддержки, оказался в чужой стране! И ведь это вы довели его до черты и такой жизни! А вам все равно, черствые и бессердечные люди!

— Это его выбор, — отрезал Алексей Александрович.

— А мне противно у вас работать, я ухожу.

— Вероника, одумайся! Ты работала у нас почти двадцать лет! — попыталась остановить ее Клавдия Васильевна.

— Да, работала и всегда видела ваше несправедливое отношение к Витольду. Я столько раз утешала его! А теперь мне здесь нечего делать, я честно выполняла

Матьяна Луцаицева

свою работу. А вы — не мать, вы — жена. Да! Как так можно? Отказаться от сына! Лишить его семьи и родственных корней! Нашли «врага народа»... Не желаю вас видеть!

— Ну и ладно... Ты свободна, — поджала тонкие губы Клавдия Васильевна, отпуская преданного человека, помогавшего ей растить сыновей. Вероника потому и прикипела к мальчикам душой, как родной человек, что ей ведь не надо было бояться грозного мужа.

А сына Ерохины действительно вычеркнули из жизни и из своих сердец, чтобы сохранить статус семьи академика. Это тоже было своеобразное предательство.

Глава 2

Витольд же в чужой стране не пропал, несмотря на то, что не знал там ни единого человека. Он прекрасно говорил на английском, и это его спасло. Парень стал выживать. Именно выживать. Работал в тех местах, где предоставляли койку и хоть какую-то еду. Одно время вкалывал грузчиком в порту целый день до боли во всех мышцах и суставах, ночуя в помещении с гнилыми канатами и ящиками с мусором, питаясь рыбой, которой с ним бесплатно делились рыбаки, и моясь в океане.

Сильного и выносливого парня заметили во время очередной разборки и пригласили в портовый клуб — участвовать в боях без правил. Вечерами там собирались весьма впечатляющие личности с криминальным, так сказать, душком, в том числе гангстеры и наркодилеры. Играли, естественно, нелегально, в запрещенные игры, проматываясь до пули в лоб, делая ставки на все, на что только можно. На «человеческое мясо» в том числе.

Бойцы, парни, вынужденные выживать таким образом, разных национальностей, эмигрировавшие

Татьяна Луизицева

легально и не очень из стран Латинской Америки или Африки либо просто приехавшие из бедных районов, дрались не на жизнь, а на смерть. Сантименты и человечность надо было оставить за рингом. С первым сотрясением мозга, с первыми гематомами и переломами Витольд много чему научился. Дрался он отчаянно и фактически всегда одерживал победу. Под кличкой Русский Медведь он полгода существовал в этом кошмаре, зато смог купить себе крутой мотоцикл и снять дешевое жилье. По крайней мере, Витольда перестал мучить запах рыбы. И какое-то время он мог отдохнуть перед ночной «работой». Хотя зализывание ран трудно назвать отдыхом. К тому же всегда была опасность скатиться до чего-то совсем уж запретного, когда вокруг все заняты только этим. Казалось, ни одного светлого пятна впереди...

Но Витольд выделялся среди прочих своей харизматичностью, и ему предложили заняться реслингом, участвовать в шоу, пусть и весьма тяжелом, но все-таки выше уровнем портового клуба с откровенным мордобоем. А вскоре ему удалось устроиться охранником в дорогой известный стриптиз-клуб, и полгода Витольд провел там, работая. В его обязанности входило охранять абсолютно голых танцующих девушек от активного контакта с посетителями. Многие мужчины теряли голову от порнографической красоты, а некоторые, особо разгоряченные спиртным, льющимся здесь рекой, выскакивали на сцену. Иногда возникали жестокие драки среди зрителей.

Девушки для работы в элитном заведении отбирались по строжайшему кастингу. Они должны

Всем по барабану!

были быть супергибкими, чтобы своими пируэтами «завязывать мозги» мужчин в узел и «отжимать» их кошельки до последней монетки. А кроме того, быть артистичными, легкими, необычными и просто поражать женственностью и сексуальностью, обладать определенными физическими параметрами — длинными ногами, тонкими талиями, большой грудью.

— Здесь вам не эротика «Мулен Руж»! — кричал балетмейстер и постановщик стриптиза. — Здесь нужен секс! А для этого нужны гипертрофированные формы в определенных частях тела!

Некоторые девушки обладали таким достоинством от природы, другим же приходилось прибегать к помощи пластических хирургов.

Танцовщицы были от Витольда без ума. Молодой парень с потрясающей внешностью и доброй душой в столь жестоком бизнесе привлекал их как магнит. Многие из них занимались проституцией. Кому-то сильно везло, если находился богатый покровитель, который брал девушку под свое крыло на правах любовницы и содержанки. С Витольдом же все спали просто так. С парой девушек у него возникли чувства, похожие на серьезную привязанность. Но молодой человек все равно не понимал, почему он должен ждать свою подружку из постели другого мужчины, даже если связь с тем для нее «ничего не значит», а «любит она только его», то есть Витольда. Парень понял одно: здесь все продается. Кроме того, он получил пару ножевых ранений в общих потасовках в борьбе за девушек, и его тело «украсилось» шрамами.

Через несколько месяцев Витольд ушел и из этого клуба — на приличный оклад, охранять жену одного

Матьяна Луизицева

богатого человека. Что-что, а уходить он уже умел, сжигая за собой все мосты. Жизнь научила его ничего не ценить, ни к кому не привязываться, ни от кого не зависеть. И вдруг его тогдашняя подружка, ведущая танцовщица в образе Мэрилин Монро, покончила жизнь самоубийством. Молодой человек так до конца и не понял ее поступка. Ведь она сама пропагандировала фривольный образ жизни и полную секс-свободу! Говорила ему:

— Я никогда не перестану этим заниматься. Красивое тело должно очень дорого продаваться, пока молодое и в форме, и нужно воспользоваться предоставившейся возможностью, но я хочу, чтобы ты знал, Русский Медведь: заниматься сексом мне приятно только с тобой.

А когда Витольд ушел от нее, девушка вот так поступила со своим красивым телом...

Находясь на службе у богатого человека (его звали Теодор, он был испанского происхождения), парень снова попал в неприятную ситуацию — его стала домогаться Кларисса, жена босса. Дама буквально не давала ему прохода.

— Как ты смеешь, дерзкий мальчишка, отвергать меня? Ты должен радоваться, что я обратила на тебя внимание! — приставала она.

— Я нахожусь на службе у вашего мужа.

— Мой муж будет пить у меня с руки, если я захочу. А сейчас я хочу только тебя. Со мной никогда такого не было — я просто с ума схожу в твоём присутствии. Никогда не обращала внимания на охранников, водителей, а тут как с ума сошла. Ты снишься мне каждую ночь... как мы с тобой вместе... Я буду

Всем по барабану!

платить столько, сколько ты даже представить не можешь! — уговаривала его молодая привлекательная женщина.

Витольд понял, что перед ним открылся еще один путь — стать альфонсом. Вроде бы неплохое занятие — никто не будет его бить, пырять ножом, впереди только любовные утехы, дорогие подарки и деньги дамочек с холмов Голливуда. Но он на это не пошел. Уволившись от Теодора и таким образом сбежав от его сексапильной женушки, Витольд устроился на первую же попавшуюся работу — официантом в ресторан с видом на заветные буквы «Голливуд». Там он проработал три месяца, влюбив в себя девчонок-официанток и постоянно получая непристойные предложения от посетительниц. И вот однажды...

В ресторанчик вошел посетитель, Витольд двинулся к нему, чтобы принять заказ, и наткнулся на насмешливый взгляд пронзительно синих глаз. Перед ним сидел тот самый Теодор. Мужчина был всего лет на шесть старше его самого. Худощавый и невысокий, он носил широкие «гангстерские» брюки и просторные пиджаки, а также широкополые шляпы и курил сигары, причем несколько манерно, так, как надо, как принято в его кругах. Словно парень насмотрелся фильмов про гангстеров начала века. Темные волосы, синие глаза, суетливые движения и быстрая, но вполне внятная речь — вот, собственно, и весь портрет Теодора. Ну и еще, естественно, толстая цепь из чистого золота на шее и дорогие золотые же печатки с бриллиантами и другими драгоценными камнями на нервных, тонких пальцах. Лик молодого мужчины так и кричал о том, что тот богат и состоятелен и уже

